

УДК 343.13

DOI: 10.17223/22253513/38/6

Я.М. Мазунин, П.Я. Мазунин

СОХРАНЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ДОБЫТЫХ ВО ВРЕМЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ, КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ, РЕШАЕМЫХ В ПРОЦЕССЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются вопросы, посвященные тактике судебного рассмотрения уголовных дел о многоэпизодной, организованной преступной деятельности, а также одной из типовых следственных ситуаций, связанной с тактическим риском утраты в суде показаний подсудимых, свидетелей, потерпевших, и предложен алгоритм действий по решению задачи по сохранению доказательств, полученных во время предварительного следствия.

Ключевые слова: предварительное следствие, судебное следствие, доказательства, организованная преступная деятельность, тактика судебного следствия, сохранение доказательств.

Процесс судебного разбирательства, как и процесс предварительного расследования, характеризуется многообразием судебных ситуаций. Однако учитывая, что «разработка тактики судебного следствия... значительно отстает от исследования тактики предварительного расследования» [1. С. 385], процесс систематизации судебных ситуаций находится только на стадии становления.

При этом, поскольку ситуации предварительного расследования и судебного разбирательства имеют одинаковую гносеологическую природу, возможно применение разработанных в теории следственных ситуаций классификационных оснований для систематизации и упорядочения судебного разбирательства [2. С. 162–194].

В своей работе мы более подробно остановимся на рассмотрении такой судебной ситуации, складывающейся в суде первой инстанции, как «анализ исходной информации и собирание доказательств судом, непосредственно связанной с назначением уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и включающей в себя, в свою очередь, судебные ситуации, связанные с сохранением в суде доказательств, добытых во время предварительного расследования, восполнением пробелов в материалах предварительного расследования, оценкой доказательств в суде и, наконец, принятием решения по существу дела.

Аналогичной точки зрения придерживаются В.К. Гавло и С.Э. Воронин, называя подобные ситуации проблемно-поисковыми судебными ситуациями [3. С. 18].

Указанные судебные ситуации требуют своего решения и оказывают существенное влияние на тактику судебного следствия. Это обусловлено тем, что по каждому делу возникают следующие вопросы: начинать ли исследование доказательств с допроса подсудимых, потерпевших или свидетелей, а если подсудимых несколько, то в какой последовательности их допрашивать; в какой очередности допрашивать свидетелей; в какой части судебного следствия лучше произвести экспертизы, осмотр вещественных доказательств, места происшествия и другие следственные действия. Уголовно-процессуальным законодательством подобные вопросы не регламентированы, что и позволяет отнести их к тактике судебного следствия.

Как мы уже отмечали в своих работах, на тактику судебного следствия оказывают влияние не только признание или отрицание подсудимыми своей вины, но и другие обстоятельства (характер преступной деятельности, доказательства, собранные по делу, личность подсудимых, сложность и объем уголовного дела). Таким образом, тактика судебного следствия может строиться в зависимости от числа судебных ситуаций, складывающихся из совокупности обстоятельств конкретного дела.

Судебной практикой выработано несколько подходов к избранию тактики судебного рассмотрения дел о многоэпизодной, организованной преступной деятельности:

1) суд исследует весь комплекс доказательств отдельно по каждому эпизоду: допрашивает подсудимых, потерпевших, свидетелей, рассматривает документы, связанные с данным эпизодом, заслушивает заключение специалиста или эксперта в определенной части и т.д. Данная тактика судебного следствия оправдана, если дело сложное, с большим количеством не связанных между собой эпизодов, и доказательства можно сгруппировать применительно к каждому из них;

2) суд допрашивает только подсудимых, потерпевших, свидетелей по каждому эпизоду отдельно, а затем все доказательства исследуются безотносительно к конкретному эпизоду. Такая тактика судебного следствия целесообразна, если подсудимые отрицают свою вину, потерпевшие и свидетели изобличают их в совершении преступлений, а остальные доказательства имеют отношение не к одному, а к нескольким эпизодам дела;

3) по отдельным эпизодам суд допрашивает только подсудимых, а остальные доказательства исследуются без связи с эпизодами, но конкретизируются в отношении каждого подсудимого.

Анализ уголовных дел, рассмотренных судами по фактам организованной преступной деятельности, свидетельствует, что чаще всего используется третий подход к избранию тактики судебного следствия (44,9%) [4. С. 83–84].

По мнению Д.В. Кима, в целом структура тактики судебного следствия, в том числе и в отношении организованной преступной деятельности, должна включать в себя следующие элементы: обстоятельства, подлежащие выяснению по конкретным видам или группам уголовных дел; особенности построения и проверки судебных версий, типичных для дел дан-

ного вида или группы; особенности производства судебных действий по делам данного вида или группы. При этом нельзя не отметить, что, несмотря на то что УПК РФ предусматривает проведение в ходе судебного следствия судебных действий, необходимо исходить из потребностей, возможностей и процессуальных особенностей их производства. Опрос судей показал, что у 85% из них не возникает необходимости в проведении судебных действий (за исключением допроса), 88% никогда в своей практике их не проводили, 5% назначали экспертизу, 4% проводили осмотр места происшествия, 3% проводили освидетельствование [5. С. 176].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что судьи в ходе судебного разбирательства очень редко проводят судебные действия (за исключением допросов). Одной из причин сложившегося положения является то, что в условиях судебного разбирательства и с позиции уголовно-процессуального закона производство некоторых судебных действий затруднительно, а порой и невозможно.

Нельзя не отметить и того, что одним из основных требований уголовно-процессуального закона по отношению к судебному разбирательству является непосредственное исследование доказательств.

При этом особое значение требование непосредственного исследования доказательств, по нашему мнению, приобретает при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, о чем часто заявляют ходатайства члены организованных преступных формирований. В связи с этим необходимо помнить, что, в отличие от других участников судебного разбирательства, присяжные не знакомятся с письменными материалами дела, и все, что не рассмотрено в их присутствии в судебном заседании, останется для них неизвестным, не сможет быть учтено при решении вопроса о виновности или невиновности подсудимого. Более того, имеющиеся доказательства, особенно сложные для восприятия, например такие, как документы, вещественные доказательства, заключения экспертов, должны быть продемонстрированы в судебном заседании настолько наглядно и убедительно, чтобы содержание и значение их стало понятным не только профессиональным участникам судебного разбирательства, но и участвующим в разрешении дела представителям народа, которые, как правило, не являются специалистами в области уголовного судопроизводства.

В условиях состязательности процесса, каковым в настоящее время становится все российское судопроизводство, обязанность представления собранных предварительным расследованием доказательств, в первую очередь доказательств обвинения, возлагается на прокурора. Именно он должен решить вопрос о том, в какой последовательности представлять собранные доказательства, чтобы у судей, главным образом у присяжных заседателей, сложилось ясное представление об обстоятельствах преступления.

Решение данной задачи тесно связано с таким понятием, как «судебная перспектива по делу», которое почти не встречается в научной, в том числе криминалистической, литературе. Вместе с тем нельзя не согласиться с Ю.П. Гармаевым в том, что «практически каждый опытный работник пра-

воохранительных органов не может обойтись без указанного термина и применяет его регулярно, осознанно или интуитивно понимая его значение» [6. С. 412]. При этом он полагает, что «судебная перспектива по... делу / эпизоду – это субъективная оценка правоприменителя (следователя, руководителя следственного органа, прокурора и защитника и др.), данная в разнообразных ситуациях на судебных, но чаще на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, по поводу того, будет ли направлено в суд конкретное уголовное дело (эпизод обвинения / состав преступления) и каким может быть окончательное судебное решение, если исходить из ситуации по делу на момент оценки и перспектив развития этой ситуации с точки зрения: 1) наличия / отсутствия состава (составов) преступления, 2) предполагаемых доказательств, 3) интенсивности противодействия уголовному преследованию» [Там же. С. 414]. При этом нельзя не согласиться с Л.Я. Драпкиным в том, что «формируя и реализуя многочисленные решения по уголовным делам, следователь с необходимостью исходит не из реальной ситуации, а из ее информационной модели, отраженной в его сознании» [7. С. 16].

Учитывая изложенное, при рассмотрении блока типовых судебно-следственных ситуаций, связанных с сохранением в суде доказательств, добытых во время предварительного следствия, и наиболее характерных для судебного разбирательства по делам об организованной преступной деятельности, необходимо отметить, что одной из типовых следственных ситуаций является ситуация тактического риска утраты в суде показаний подсудимых, свидетелей, потерпевших.

Изменение в суде доказательств, собранных на предварительном следствии, по делам об организованной преступной деятельности является нередким явлением. Чаще всего таким изменениям подвергаются показания подсудимых, потерпевших, свидетелей. Изучение судебной практики по делам об организованной преступной деятельности показывает, что в большинстве случаев это связано с попыткой подорвать, скомпрометировать доказательства обвинения, когда подсудимые отказываются от сделанных на предварительном следствии признательных показаний, а потерпевшие и свидетели, уличавшие на следствии обвиняемых, в силу тех или иных причин уменьшают их вину.

Причины того, что в судебном разбирательстве допрашиваемые нередко изменяют данные на следствии достоверные показания, весьма многообразны. С одной стороны, эти изменения объясняются процессами, происходящими в сознании самого допрашиваемого: что-то утрачивается из памяти; ослабляются первое впечатление от случившегося и возмущение действиями преступника; появляется чувство жалости к преступнику и сострадания к его близким; отдельные свидетели и потерпевшие, поведение которых тоже было далеко не безупречным, начинают больше заботиться о том, чтобы предстать перед судом в более выгодном свете и т.д.

С другой стороны, в условиях сложившейся в стране криминогенной ситуации и несовершенства действующего законодательства участники

уголовного судопроизводства (свидетели, потерпевшие и т.д.) подвергаются реальной опасности не только психологического, но и физического воздействия со стороны прежде всего участников организованных преступных формирований. Следствием этого, как правило, является изменение ими в суде показаний, данных во время предварительного расследования, либо отказ от явки в судебное заседание. По данным опроса следователей, 62,9% свидетелей, потерпевших и членов их семей в процессе расследования подвергались подкупу, запугиванию или насилию [8. С. 4]. При этом, согласно исследованию, проведенному Г.П. Минеевой, воздействие на потерпевших и свидетелей при рассмотрении дел в суде имеет место в 62,0% изученных ею дел [9. С. 55]. Опрошенные нами судьи указали, что во время судебного следствия они встречались с такими формами противодействия, как сокрытие и фальсификация следов и доказательств (54,1%), лжесвидетельствование (92,9%), воздействие на участников уголовного судопроизводства в виде угроз, подкупа, шантажа и т.п. (65,3%), деятельность адвокатов, направленная на «развал» уголовных дел (43,4%) [4. С. 66–67].

Исследование изменяющихся в суде показаний по делам об организованной преступной деятельности нередко представляет особую трудность. Особенно это относится к ситуациям, когда одновременно с подсудимыми изменяют показания потерпевшие и свидетели, которые ранее их уличали. В подобных случаях профессиональные участники процесса (в первую очередь обвинители) нередко оказываются в сложном положении, из которого не всегда легко найти правильный выход.

Не имея возможности установить истинные причины изменения показаний, обвинители и судьи зачастую совершают одну из недопустимых и вредных для дела ошибок: либо некритически, без должной проверки и сопоставления с другими доказательствами воспринимают показания, данные в суде, и только на них основывают свои выводы; либо безосновательно отвергают, а порой просто игнорируют показания допрашиваемого в судебном разбирательстве и исходят главным образом из материалов предварительного следствия.

В первом случае не учитывается, что суд не может просто отбросить показания, которые были даны подсудимыми, потерпевшими, свидетелями на следствии, так как в соответствии со ст. 305 УПК РФ в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора должны быть изложены: обстоятельства уголовного дела, установленные судом; основания оправдания подсудимого и доказательства, их подтверждающие; мотивы, по которым суд отвергает доказательства, представленные стороной обвинения. В результате такой односторонности в ряде случаев фактические обстоятельства дела остаются невыясненными (хотя возможность для этого есть), и преступники получают шанс избежать ответственности.

Во втором случае нарушается требование закона о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждается совокупностью ис-

следованных судом доказательств (ч. 4 ст. 302 УПК РФ). Формально эта норма, казалось бы, выполняется, поскольку лица, изменившие показания, допрашиваются. Однако зачастую показания, которые они дают во время судебного следствия, не проверяются и не учитываются. Поэтому не выполняется и другое требование закона: указать в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора не только «доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, но и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства» (ч. 2 ст. 307 УПК РФ).

Во время судебного следствия для всестороннего и полного исследования изменяющихся показаний на практике применяются следующие методы: последовательное рассмотрение, сравнение и анализ прежних и новых показаний; сопоставление тех и других с другими доказательствами, как имеющимися в деле, так и вновь истребованными; проверка (насколько это возможно в условиях судебного следствия) объяснений допрашиваемого о причинах изменения показаний [10. С. 127–141].

Помимо этого, рассматриваемая судебно-следственная ситуация, связанная с изменением показаний в суде, частично может быть разрешена с помощью выбора очередности и сочетания различных форм судебного допроса. Например, если в преступном формировании имелись лица, которые были вовлечены в преступную деятельность путем угроз, насилия, шантажа и т.п., выполняли второстепенные роли, целесообразно сначала допросить этих лиц, иначе они могут скорректировать свои показания с учетом показаний организатора преступного формирования или других наиболее активных его участников. Если же, напротив, организатор дает правдивые показания относительно преступной деятельности формирования и подражание ему может благоприятно сказаться на показаниях других участников преступлений, то оправданно будет начать допросы именно с него.

Успешному разрешению судебно-следственной ситуации, связанной с изменением показаний, может способствовать претворение в жизнь такой основополагающей идеи информационного взаимодействия, как принцип маевтики, связанный с обогащением информации. Суть его заключается в том, что наряду с информацией, полученной при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и закрепленной в соответствующих документах, суду следует представлять сопутствующую информацию. В качестве таковой может быть предъявлена, например, видеозапись, запечатлевшая состояние информационной среды в момент отображения объяснений или в ходе допросов, в первую очередь тех, когда потенциальный преступник давал признательные показания. Это особенно важно в тех случаях, когда во время судебного следствия подсудимые (реже свидетели и потерпевшие) отказываются от данных ими во время предварительного следствия показаний по причине того, что в их отношении были применены незаконные методы ведения следствия или дознания путем применения физического или психического насилия (чаще всего утверждают, что их били). В этом случае ощутимую пользу для объективной оценки измененных показаний оказывают видеоматериалы, запечат-

левшие общение подозреваемого с оперативными работниками или следователем, а суд должен оценивать не только словесную информацию, но и информационный фон: выражение лица, мимику, тембр речи и т.п., т.е. то, что принято называть «уликами поведения». Спокойное лицо, ровный голос, улыбки и тому подобное должны быть использованы в качестве дополнительной мотивации критической оценки измененных показаний допрашиваемого. По нашему мнению, данные обстоятельства могут быть отмечены и в приговоре суда при оценке показаний.

Помимо этого, целесообразен, на наш взгляд, вызов для допроса в суд лиц, которые, по утверждению подсудимого, применяли методы незаконного воздействия. Опрос судей показал, что они этого не делают вследствие сложившегося стереотипа: кто же признается? При этом не учитывается, что не всякий подсудимый выдерживает очные ставки с теми, кто якобы давил на него физически. Можно привести пример из личного опыта автора, когда один из подсудимых, давая признательные показания и рассказав в том числе о совершении им преступления, о котором органам внутренних дел не было известно до его признания, тем не менее в суде заявил, что оговорил себя вследствие того, что следователь зажимал ему пальцы рук дверями. Увидев же следователя во время судебного следствия, куда тот был вызван судом для дачи объяснения по этому поводу, он смутился и сказал, что оговорил следователя по совету лиц, с которыми находился в одной камере в следственном изоляторе.

Это должны учитывать следователи, оперативные работники и тогда, когда они прогнозируют возможное изменение показаний подсудимыми. В этом случае целесообразно присутствие следователя или оперативного работника в зале судебного заседания во время их допроса, так как не каждый подсудимый сможет ложно обвинить их в их же присутствии [11. С. 322–324].

Разумеется, имеются противники практики допроса в суде следователя или оперативного работника, на нарушение закона которыми ссылается подсудимый. Например, по мнению Ю.В. Корневского, «подобные допросы не основаны на законе, и отрицательный ответ названных лиц на вопрос о том, оказывали ли они незаконное давление на обвиняемого, не имеет доказательственного значения» [10. С. 139–140]. При этом одним из аргументов, обосновывающих его позицию [Там же. С. 140–141], он приводит то, что в судебном разбирательстве отсутствуют сколько-нибудь надежные средства проверки достоверности обвинений подсудимого и объяснений следователя. В частности, он пишет: «Практика показывает, что для подлинной, а не формальной проверки заявления подсудимого о принуждении его к признанию необходимо по крайней мере следующее: подробный его допрос по поводу сообщаемых сведений; допросы лиц, на незаконные действия которых он ссылается, и очные ставки с ними; выяснение обстоятельств, которые могут объективно подтвердить или опровергнуть заявление подсудимого, прежде всего допросы лиц, которым от него могло быть известно об обстоятельствах получения признания,

в частности содержащихся вместе с обвиняемым под стражей; истребование документов из медицинских учреждений, где проверялось его состояние или куда он мог обращаться; выяснение вопроса о том, поступали ли от обвиняемого жалобы на применение незаконных методов допроса еще в ходе предварительного следствия, и т.п.» [10. С. 140]. На основании этого он делает, на наш взгляд, ошибочный вывод, что такая проверка в условиях судебного разбирательства, как правило, невозможна.

Ошибочность данного вывода обусловлена тем, что в соответствии с ч. 1 ст. 240 УПК РФ суд, помимо заслушивания показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключения эксперта, осмотра вещественных доказательств, оглашения протокола и иных документов, «производит другие судебные следственные действия по исследованию доказательств». Это позволяет суду в ходе судебного разбирательства выявлять причины изменения показаний и проводить проверку их соответствия действительности. Исходя из перечня следственных действий, производство которых возможно во время судебного следствия, все методы проверки, перечисленные Ю.И. Кореневским, приемлемы для судебного разбирательства. Однако указание на источники информации, способствующие проверке заявлений о принуждении допрашиваемых к признанию, зачастую могут быть сообщены именно следователем или оперативным работником при их допросе во время судебного следствия.

Наша позиция находит подтверждение и в определении Конституционного Суда РФ, согласно которому «положения части пятой статьи 246 и части третьей статьи 278 УПК Российской Федерации, предоставляющие государственному обвинителю право ходатайствовать о вызове в суд свидетелей и допрашивать их, и часть третья статьи 56 данного Кодекса, определяющая круг лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей, не исключают возможность допроса дознавателя и следователя, проводивших предварительное расследование по уголовному делу, в качестве свидетелей, в том числе об обстоятельствах производства отдельных следственных и иных процессуальных действий» [12.]. Данная рекомендация приобретает особое значение в связи с тем, что суд в целях постановления законного, обоснованного и справедливого приговора (ч. 1 ст. 297 УПК РФ) обязан принимать все возможные меры по подтверждению или опровержению объяснений лиц, изменивших показания.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Частные криминалистические теории : в 3 т. М. : Юрист, 1997. Т. 2. 464 с.
2. Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 205 с.
3. Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде. Барнаул : БЮИ МВД РФ, 2000. 42 с.
4. Кудрявицкий А.С., Мазунин Я.М. Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение судебного разбирательства дел о преступлениях, совершаемых организованными преступными сообществами. М. : Юрлитинформ, 2013. 200 с.

5. Ким Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 39 с.

6. Гармаев Ю.П. Ситуационный подход и судебная перспектива по уголовному делу // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград : БФУ им. И. Канта, 2012. С. 411–418.

7. Драпкин Л.Я. Теория криминалистических ситуаций: этапы развития, структура, система // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2010. № 2 (4). С. 14–24.

8. Закатов А.А., Цветков С.И. Тактика допроса при расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами : лекция. М. : МЦ при ГУК МВД РФ, 1998. 35 с.

9. Минеева Г.П. Уголовно-правовая охрана свидетеля и потерпевшего : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 197 с.

10. Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия 2-е изд., испр. и доп. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. 198 с.

11. Мазунин Я.М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями) : дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2005. 504 с.

12. По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06.02.2004 № 44-0 // Российская газета. 2004. 7 апр.

Mazunin Yakov M., Mazunin Pavel Ya., Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, Russian Federation)

PRESERVATION OF EVIDENCE OBTAINED DURING THE PRE-TRIAL INVESTIGATION AS ONE OF THE CHALLENGES IN THE TRIAL OF ORGANIZED CRIME CASES

Keywords: preliminary investigation, judicial investigation, evidence, organized criminal activity, tactics of judicial investigation, preservation of evidence.

DOI: 10.17223/22253513/38/6

Given that the situations of preliminary investigation and court proceedings have the same epistemological nature, it is possible to apply the classification grounds developed in the theory of investigative situations to systematise and streamline the trial. It is possible to distinguish judicial situations related to: preservation of evidence obtained during the preliminary investigation in court; filling gaps in the preliminary investigation materials; evaluation of evidence in court and, finally, making a decision on the merits of the case.

These judicial situations need to be resolved and have a significant impact on the tactics of the judicial investigation. This is because each case raises questions such as whether to begin the examination of evidence with the interrogation of defendants, victims or witnesses and, if there are several defendants, in what order to interrogate them, in what order to interrogate witnesses, in what part of the judicial investigation it is better to conduct expert examinations, inspection of physical evidence, the scene of the incident and other investigative actions. Criminal procedural legislation does not regulate such issues, which allows us to refer them to the tactics of the judicial investigation.

The judicial-investigative situation under consideration, related to the change of testimony in court, can be partially resolved by choosing the order and combination of different forms of judicial interrogation, summoning for questioning to court persons who, according to the de-

fendant, used methods of illegal influence, using such idea of information interaction as the principle of *maevtika*, related to the enrichment of information. Its essence is that in addition to the information obtained in the course of the investigation and operational-search activities and fixed in the relevant documents, the court should be presented with related information. This may include, for example, a video recording of the information environment at the time of the interview or during the interrogation, especially when the potential perpetrator was confessing.

Pursuant to article 240, paragraph 1, of the Code of Criminal Procedure, in addition to hearing the testimony of the defendant, the victim, witnesses and expert findings, examining material evidence, and disclosing protocols and other documents, the court carries out other judicial investigative activities to examine the evidence. This enables the court to identify in the course of the trial the reasons for a change in the evidence and to verify its consistency with reality. At the same time, it is often the investigator or operative who can provide an indication of the sources of information that can help verify statements about the coercion of interrogators to confess, when they are questioned during the judicial investigation.

References

1. Belkin, R.S. (1997) *Kurs kriminalistiki. Chastnye kriminalisticheskie teorii: v 3 t.* [Forensic course. Private forensic theories: in 3 volumes]. Vol. 2. Moscow: Yurist".
2. Kim, D.V. (2006) *Kriminalisticheskie situatsii i ikh razreshenie v ugolovnom sudoproizvodstve* [Forensic situations and their resolution in criminal proceedings]. Barnaul: Altai State University.
3. Gavlo, V.K. & Voronin, S.E. (2000) *Aktual'nye problemy poiskovo-poznavatel'noy deya-tel'nosti v sude* [Topical problems of search and cognitive activity in court]. Barnaul: Barnaul Law Institute.
4. Kudryavitsky, A.S. & Mazunin, Ya.M. (2013) *Operativno-rozysknoe i kriminalisticheskoe obespechenie sudebnogo razbiratel'stva del o prestupleniyakh, sovershaemykh organizovannymi prestupnymi soobshchestvami* [Actual problems of search and cognitive activity in court]. Moscow: Yurлитinform.
5. Kim, D.V. (2009) *Problemy teorii i praktiki razresheniya kriminalisticheskikh situatsiy v protsesse raskrytiya, predvaritel'nogo rassledovaniya i sudebnogo rassmotreniya ugolovnykh del* [Problems of the theory and practice of resolving forensic situations in the process of disclosure, preliminary investigation and judicial examination of criminal cases]. Abstract of Law Dr. Diss. Omsk.
6. Garmaev, Yu.P. (2012) *Situatsionnyy podkhod i sudebnaya perspektiva po ugolovnomu delu* [A situational approach and a judicial perspective in a criminal case]. In: Volchetskaya, T.S. (ed.) *Situatsionnyy podkhod v yuridicheskoy nauke i pravoprimenitel'noy deyatel'nosti* [Situational approach in legal science and law enforcement]. Kaliningrad: I. Kant Baltic Federal University. pp. 411–418.
7. Drapkin, L.Ya. (2010) *Teoriya kriminalisticheskikh situatsiy: etapy razvitiya, struktura, sistema* [Theory of forensic situations: stages of development, structure, system]. *Byulleten' Mezhdunarodnoy assotsiatsii sodeystviya pravosudiyu*. 2(4). pp. 14–24.
8. Zakatov, A.A. & Tsvetkov, S.I. (1998) *Taktika doprosa pri rassledovanii prestupleniy, sovershaemykh organizovannymi prestupnymi gruppami* [Interrogation tactics in the investigation of crimes committed by organized criminal groups]. Moscow: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
9. Mineeva, G.P. (1993) *Ugolovno-pravovaya okhrana svidetelya i poterpevshego* [Legal protection of the witness and the victim]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. Korenevsky, Yu.V. (2002) *Kriminalistika dlya sudebnogo sledstviya* [Forensic science for judicial investigation]. 2nd ed. Moscow: Tsentr YurInfoR.
11. Mazunin, Ya.M. (2005) *Problemy teorii i praktiki kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestupleniy, sovershaemykh organizovannymi prestupnymi soobshchestvami*

(*prestupnymi organizatsiyami*) [Theory and practice of forensic investigation methods of crimes committed by organized criminal communities (criminal organizations)]. Law Dr. Diss. Barnaul.

12. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2004) On the complaint of citizen Vladimir Nikolayevich Demyanenko on violation of his constitutional rights by Provisions of Articles 56, 246, 278 and 355 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Resolution No. 44-0 of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 6, 2004. *Rossiyskaya gazeta*. 7th April. (In Russian).